

И.З.Бестужев

ТРЕТИЙ РЕЙХ И ТРЕТИЙ РИМ

В ДРАМЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Книжный Мир • Москва • 2009

Бестужев И.З.
**ТРЕТИЙ РЕЙХ И ТРЕТИЙ РИМ В ДРАМЕ МИРОВОЙ
 ИСТОРИИ.** — М.:Книжный Мир, 2009 — 320 стр.

ISBN 978-5-8041-0334-8

Книга историка европейской цивилизации Игоря Бестужева представляет новую, убедительную трактовку трагических мировых событий XX века, искаженные образы которых создала либеральная пропаганда с помощью обмана и мифов. В центре изложения две великие державы — Германия и Россия, разрушенные революциями, мировыми войнами и предательством властей. Мировая демократия, переходящая от либерализма к насилию, — главный источник постоянных потрясений и войн, утверждает автор. Одни и те же силы многие десятилетия сеяли хаос в обеих державах, скрепленных династическими узами и развивавшихся по сходным имперским законам. Крушение самодержавной монархии подорвало мощный потенциал российской государственности. По мнению историка, возвращение России к самодержавию возможно только с помощью национальной диктатуры. Беспристрастный анализ и факты указывают на возможность творчества при тоталитаризме. При всех стеснениях она была максимально использована немецкими интеллектуалами в научной и художественной сферах, и даже в политической практике Третьего Рейха. Понятие нового мирового порядка, узурпированное демократией, обретает другой смысл, когда в основу поисков кладутся объединенные усилия Германии и России, как это начиналось в 1939 году, и было неудачно продолжено немцами в период оккупации Европы. Будущее христианской цивилизации диктует необходимость геополитического союза Германии и России, доказывает историк. Политическая форма этого союза должна быть отработана в ходе европейского строительства в интересах народов, имеющих единые этнические истоки, общее историческое и культурное прошлое.

ISBN 978-5-8041-0334-8

© И.З. Бестужев, 2009
 © Книжный Мир, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава I.	
Наци против своего вождя	12
Глава II.	
Левый путь национал-социализма	64
Глава III.	
Немецкие планы объединения Европы 1939–45 годов	110
Глава IV.	
Упадок русской Империи	181
Глава V.	
Русский консерватизм и геополитика России	244
Глава VI.	
Евразийство и русская реальность	276
Глава VII.	
«Русская Голгофа. Демократия против России»	281
Приложение I.	
Жизнь В.В.Розанова – служение Родине	297
Приложение II.	
Фридрих Ницше – германский гений	303

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русских и немцев в истории XX века объединяет ряд общих идей, главная из которых продиктована осознанием гибельности европейского развития, игнорирующего имперские законы существования великих держав. Культурно-исторический потенциал Германии и России выходит далеко за пределы жалких демократических форм, обретенных в XX веке нашими странами вместе с остальным миром. «Остальные» – это, прежде всего, Америка, находящаяся под властью мирового масонства и еврейской плутократии, самостоятельные цели которых противоречат интересам всех без исключения крупных народов мира.

Исторически сложившееся русское понятие «смуты», как состояние государства в периоде «полураспада», в широком смысле приложимо к европейским странам. Основное сходство заключается в тотальном господстве либеральной идеологии и глубоко зашедшем разрушении национальной государственности. В конце XX века это привело к фактической утрате народного суверенитета ведущими странами Европы, как и Россией.

Русский опыт подобного рода состояний с конца XVI века до настоящего времени не научил правящие круги России успешно бороться с разрушительными внутренними силами в сочетании с мощной заграничной поддержкой. Конец XIX столетия, последующие революции, покончившие с монархическим государством, неуклонное скатывание к либерализму после смерти Сталина, завершившееся «перестройкой», капитуляция перед внешними силами после Горбачева – эти разнообразные по форме потрясения были вызваны преобладанием антинациональных сил в государстве. Однако судьбу России нельзя считать исторически predetermined. Психология масс, даже находящихся в стадии глубокого разложения, не исключает возможность внезапного взрыва национальных чувств. Особенно это относится к русскому народу, способному под влиянием сильных потрясений быстро переходить в противоположное состояние. Но Западная Европа также сохранила потенциал национального сопротивления. Германия, глубоко униженная мировым еврейством, находится под постоянным подозрением неевропейских сил в высвобождении народного сознания. Надежду внушает то, что мировой космополитичес-

кий клан, несмотря на гигантские усилия, до сих пор не нашел подходящую форму объединения европейских наций в одно целое.

История дает постоянные уроки неорганического развития крупных государств. Событие такого масштаба как уничтожение самодержавной монархии в России должно быть осмыслено консервативными европейскими кругами, если они не хотят, чтобы их страны сами стали жертвами либерализма и демократии. Потому что не бывает национальных демократий. Любая демократия завершается предательством национальных интересов правящими кругами. И пока существует планета, борьба против этого мирового зла должна стать смыслом истории европейских народов.

Такой «уютный», мирный писатель как Розанов, обладавший, однако, острым историческим зрением, в бесчисленных зарисовках дал яркую картину постепенного разложения российского государства. Сходные симптомы, как и их причины, наблюдаются в современных европейских странах. До сих пор государства Европы с богатейшим культурно-историческим прошлым без борьбы покорялись посторонним силам, уродующим национальную жизнь крупных народов. Эти безответственные слои «мирового сообщества» приближают катастрофу всей европейской культуры.

Приблизительно в одно время с Розановым немецкий философ Ницше в других образах, но с той же последовательностью выводов анализировал причины падения Европы на примере Германии. Ницше обратил особое внимание на Россию, разглядев в далекой перспективе вдохновившие его черты русского возрождения, за которым должно последовать, по его мнению, выздоровление всей Европы. Немецкий философ не развивал подробно эту идею, но его мысль неоднократно возвращалась к особой роли нашей страны для европейского будущего. Размышляя о «революционном духе» русского характера, Ницше как будто предвидел трагические перемены в близкой истории России, этой, по словам К.Леонтьева, загадочной для «среднеевропейца» стране.

Двумя десятилетиями позже немецкий социолог Вернер Зомбарт назвал новую историю эпохой «торгашей», сменившей эпоху «героев». Теперь европейские консерваторы упорно искали выход из глубокого духовно-политического кризиса, поразившего континент. Неприемлемым для «правых» был стремительно вырождавшийся буржуазный мир вместе с бессильной и лживой парламентской системой, которая уже не могла обмануть ни один проницательный ум, к какому бы

политическому лагерю он не принадлежал. Ницше первым подал пример возможного сближения политиков, ненавидевших буржуазию с противоположных позиций. Он восхищался личностью итальянского революционера Мадзини, усмотрев в его порывах одну из возможностей обновления европейской жизни. Друг Фридриха Ницше, великий немецкий композитор Рихард Вагнер отдал дань революционному воодушевлению еще в 40-е годы XIX века. Идеологическую линию совмещения левых и правых идей затем обосновал и развил с большим талантом и воодушевлением французский социальный мыслитель Жорж Сорель, оказавший серьезное влияние на консервативного революционера Бенито Муссолини. «Дуче» создал жизнеспособный, (если измерять его не продолжительностью существования, а заложенными в нём потенциями), корпоративный социально-экономический строй, в котором сомкнулись и смешались в различных пропорциях левые и правые возможности.

Когда была сокрушена русская монархия, государственность России не исчезла бесследно. Инстинкт государственного консерватизма, заложенный в русском характере, породил новые формы сопротивления интернациональному натиску на ее традиционный облик.

Трагедию русского народа западные консерваторы восприняли как знак собственной судьбы, которая не должна зависеть от навязчивых идей пришельцев из внеевропейского космоса. Возникло и укреплялось чувство континентальной общности европейских наций. Оно получило солидную базу в трудах крупных философов, писателей и ученых предыдущего периода – от Ницше, Шпенглера, Сореля и Ван ден Брука до К.Хаусхофера, Г.Гюнтера, Ю.Эволи и Б.Шоу. Еще раньше проницательные русские мыслители (К.Н.Леонтьев, Достоевский) формировали предпосылки этого мировоззрения. «Всечеловеческая отзывчивость» не помешала Ф.М.Достоевскому с подозрением относиться к некоторым европейцам неевропейского толка, например, к Англии. Он, как и Константин Леонтьев, указал на необходимость ориентации России на Германию, как наиболее надежного геополитического союзника. Тогда же Достоевский отметил неблагоприятную роль евреев не только во внутренней жизни России. Его добротолерантность ко всем нациям постоянно спотыкалось об это трудный «вопрос», который и сегодня занимает умы европейских политиков и ученых, не относящих себя к категории антисемитов.

На протяжении последующих десятилетий идея европейского единства разрабатывалась и обрала разнообразными

организационными подробностями. Она опиралась не только на романтическое чувство близких по происхождению народов, но также на события древней и новой истории. Не умирает память о былом континентальном величии самодержавной России и Священной империи великой германской нации. Сегодня русской части этих планов противоречит униженное положение России в мире, ослабленной и раздробленной правящей коллаборационистской верхушкой, пропитанной нерусским духом и кровью.

Современное российское «евразийство» как будто не замечает этого факта. Его главный представитель, монополизировавший евразийское направление, – А.Дугин занят отвлеченным теоретизированием. Мысль Дугина устремлена поверх реальных нужд русского народа и мечется в бесконечных горизонтах почти планетарного масштаба. Трезвомыслящему политику должен быть ясен грубый утопизм планов подключения к европейским традициям и проблемам азиатских суперэтносов – мусульманского мира, Японии, Китая и т.п. Обессиленная Россия с вымирающим народом нуждается в радикальном лечении, требующим полной концентрации внутренних сил, прежде чем строить грандиозные планы во внешний мир.

Положение России все больше напоминает послеверсальскую Германию, если не политическими подробностями, то кажущейся безвыходностью (фактически одни и те же противники, враждебное внешнее окружение). Национальное чувство русских унижено доминирующей враждебной силой, действующей изнутри. Германия тогда нашла в себе силы избавиться от интернационального диктата. Сведенные в один мощный центр национальные силы Германии до 1939 года безупречно управляли страной. Последовавшая катастрофа не отнимает у нас право анализировать и использовать удивительный опыт недолгого процветания нации, в чьем характере и истории много общего с русским народом. Важно не повторять свои и чужие ошибки.

В первой половине XX века международные банковские круги организовали две мировые войны, ставшие общей трагедией для Германии и России. Кроме обычного для этой породы шкурного интереса, более глубокой целью было взаиморазрушение двух ведущих имперских держав, долгое время связанных между собой династической близостью, а в давние времена – общностью этнического происхождения. Пруссия тогда была географическим средоточием, в котором столкнулись и смешались как в плавильном котле славяно-германские племена, со временем давшие начало будущим великим ев-

ропейским нациям – русским и немцам. До сих пор солидные историки спорят, были ли пруссы славянами или частью германских племен.

Как бы то ни было, в психологических основах русского характера нет нескольких солидных черт, которыми немцы наделены в избытке: прежде всего, любви к порядку и формальной дисциплине. Высокоодаренную русскую нацию разъедает индивидуализм и доходящее до подбострастия почтение к иностранцам. Глубокому же и дисциплинированному немецкому характеру не хватает широты мировосприятия и легкости, с которой русский народ выносит трагические повороты истории. Можно сказать, что наши народы разделили между собой высшие сферы человеческого духа. У немцев это философия и музыка, у русских – православие, литература и военное дело.

Таким образом, исторически и психологически русские и немцы составляют одну суперэтническую общность, ведущее положение которой, по крайней мере, в Европе, может быть достигнуто ценой совместных усилий. Это спасет оба народа от безвозвратного состояния, при котором они уже не смогут твердо взять в руки ни плуг, ни меч. Несокрушимая ось Россия – Германия защитит немцев и русских от разложения, которому они подвергаются со стороны государств проамериканского круга. Возможно, это станет началом освобождения мира от пут золотого рабства, раскинутых космополитическим капиталом по всей планете.

Необходимо, наконец, извлечь уроки из истории. Разве не одни и те же силы устроили свержение русской монархии, обе мировые войны и развал советской империи, не успевшей самостоятельно сбросить нелепые красные одежды. Осмысление русско-немецкого опыта нужно ещё и потому, что история наших стран хранит удивительные подробности, скрывающиеся и прячущиеся за прямолинейными фактами. Из их совокупности складывается картина упущенных возможностей совершенно иного развития событий, которые могут быть реализованы в обозримом будущем.

Национал-социалистический период истории Германии требует беспристрастного анализа. Важно осознать, что ни фантастические левые идеи, ни провалившаяся демократия не могли стать основой национального возрождения Германии. У Гитлера до и после взятия власти было много соперников: «левые» нацисты (братья Штрассеры и пр.), руководство штурмовиков, консервативные группы старого типа (монархисты, католический центр, отдельные «свободомыслящие»). Всем им не хватало ясности в понимании цели, последовательности и часто личного мужества. Многие из них разделяли окрашен-

ные национализмом либеральные идеи, тогда как время требовало твердого авторитарного руководства.

Опыт национального правления в Германии 1933-45 годов необходимо изучить в подробностях, а его горькие уроки должны быть усвоены грядущим поколением освободителей от своего внутреннего ига, даже если в России

**Всемирная выставка
(Париж, 1937 год)**

всё будет устроено по-другому. Независимо от политической атмосферы, Германия 30-40-х годов XX века являла образец вполне благополучного течения культурной жизни. Главное, чем всегда отличалась немецкая культура – музыкальное творчество, не теряло высокого уровня. Реализм в изобразительных искусствах демонстрировал большие достижения, чем пресловутый модернизм в «свободных» странах, прошедший все стадии вырождения. Литература дело особое. К услугам немецких писателей того времени были исторические, бытовые, военные темы. Писатели, покинувшие Германию в 30-е годы, увезли с собой бессмысленный пацифизм, навязчивые либеральные мотивы, весь упадок, отрицательное значение которого не уравнивалось скромными талантами Томаса Манна и ему подобных. Большинство уехавших с равнодушием смотрели на беды, постигшие страну в результате преступного Версальского мира. Еще и поэтому их книги сжигались в Германии, а имена предавались забвению.

Суровое противостояние с половиной мира, в которое вовлек свое государство фюрер, конечно, воздействовало на творческий процесс, лишая деятелей культуры полной свободы самовыражения. Однако военное время с его лишениями устраняло все проявления либеральной расслабленности, закаляя национальную волю немецкого народа. Эта пора не только оттачивала боевые перья, но и готовила немцев к будущему, которое виделось идеологам Рейха как длительная эпоха европейского мира после кровопролитной войны. С их

стороны это было заблуждением. Однако до поры до времени оно давало писателям уверенность, что наступят лучшие времена, а это стимулировало творческие поиски.

Свободу в рамках авторитарного государства демонстрировало научное творчество. Крупные открытия и изобретения были сделаны до и в ходе мировой войны. Не только ученым с мировыми именами позволялось быть аполитичными. Как ни парадоксально, идеологическая элита в структурах СС и СД предоставила ученым возможность без ущерба для научной истины достаточно свободно работать в исторической сфере и даже в политизированных науках – философии, социологии, включая расовые исследования – святая святых национал-социалистической идеологии. Пример ведущего расолога Ганса Гюнтера особенно убедителен из-за его независимой позиции в отношении партийных догм. Под личным контролем рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера в Германии до конца войны действовала разветвленная научная организация («Анэнэрбэ»), крупными подразделениями которой руководили авторитеты мирового уровня – Вальтер Вюст, Герберт Янкун и др.

Солидный научный характер носили геополитические планы, разработанные интеллектуалами, близко стоявшими к партийной верхушке (Вернер Дайц, Г.Хэртлэ и др.). В период оккупации западных стран, прежде всего во Франции, началось воплощение идей объединения Европы. Существовали различные планы такого рода, – от предоставления автономии европейским государствам с развитой культурой, до политически централизованной федерации под твердым германским руководством (на этом настаивал Гитлер). На Германию вполне добровольно трудилась вся промышленность не только оккупированных, но и нейтральных стран Европы (Швейцария, Швеция, Португалия и др.). Кроме того, общее культурно-историческое наследие также в определенной степени работало на немцев. Пример Франции особенно поучителен. Консервативные традиции этой страны оказались настолько сильны, что практически вся верхушка творческой и научной интеллигенции встала на сторону Германии (например, Фредерик Жолио-Кюри предоставил свои лаборатории и научные кадры в распоряжение германских физиков и поддерживал их усилия по созданию атомного оружия).

Однако реальная сторона объединительных планов умиралась все более сомнительными перспективами на победу Германии в мировой войне. К концу войны под влиянием более гибко мыслящей части германских идеологов схемы объединения Европы пополнились восточными государствами, включая Россию, прежде всего ее европейской частью. Это отдавало

утопизмом, но повторяли старые идеи прусских русофилов о необходимости сближения с другой частью гигантской евроконтинентальной оси. До 1941 г. эти планы носили реальный характер. Их воплощение тогда могло привести к военно-политической обстановке, исключавшей мировую войну.

Одним из вариантов развития внутренней жизни предвоенной Германии, реализующей такую возможность, могла стать победа «прорусского» крыла национал-социалистической партии во главе с бывшим офицером царской армии, ведущим идеологическим советником Гитлера Максом Шойбнер-Рихтером (убит во время путча 1923). Независимо от германского интереса в этой ситуации, она сулила резкое геополитическое усиление России. В конце войны группа немецких интеллектуалов (В.Дайц, А.Шикеданц и другие), и ранее мысливших реалистичнее догматиков из круга А.Розенберга, переосмыслила роль России в планируемом объединении Европы.

Частично подобные идеи будущая патриотическая власть может использовать в интересах нашего государства. Разумеется, немецкая схема должна быть переориентирована на самостоятельную, (если не ведущую), роль нашей страны. При этом «реакционная» часть старых немецких планов будет отброшена. Но даже приступить к реализации этой геополитической комбинации невозможно без предварительной смены правящей верхушки и политического курса в России.

Во внешнеполитическом плане решающее усиление России – самый краткий путь к освобождению Европы от американского диктата и к европейской самостоятельности. Сегодня такая перспектива кажется малореальной. Но если главная идея верна, то ее победа рано или поздно должна состояться. Лишь фальшивые идеи никогда не дождутся своего воплощения. Русскому народу, прежде всего, необходимо покончить с безразличием и безропотностью, научиться распознавать врага и уничтожать его, если он не сдается. Это требует усвоения новой государственной программы – Кодекса национального поведения, основанного на богатом опыте России и дополненного историческими достижениями «родственной» Европы. Первоначальная форма будущего государственного устройства России имеет второстепенное значение перед интересами народного сообщества. Если русскому народу по его психологическим свойствам соответствует самодержавная монархия, она будет введена со временем несмотря ни на что. Но начало должно быть положено национальной диктатурой, о необходимости которой сразу после свержения коммунистической власти предупреждал еще в конце 40-х годов XX века русский философ-эмигрант И.А.Ильин.